

РАЗДЕЛ I. РОССИЯ И ЗАПАД: ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ТЕКСТАХ КУЛЬТУРЫ

ББК 83

УДК 82-311/6; 82-992

*О. Г. Лазареску¹,
Московский педагогический
государственный университет
lazarescu@inbox.ru*

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ В АМЕРИКАНСКОМ ДНЕВНИКЕ П. П. СВИНЬИНА

Дневник впечатлений российского государственного служащего и писателя начала XIX в. П. П. Свиньина во время его путешествия по Соединённым Штатам Америки представляет интерес с точки зрения механизмов преобразования слова прямого, регистрирующего реальность и фиксирующего самые первые эмоциональные отклики человека на увиденное, в слово художественное, заключающее в себе широкий спектр возможных значений, позволяющих выйти на универсальные смыслы событий и явлений действительности. В статье показано, как первые впечатления молодого наблюдателя со временем «проросли» в сюжеты, мотивы и образы исторических романов Свиньина, научили его работать с «сырым» историческим материалом, видеть в случайных «мелочах» суть самих явлений.

Ключевые слова: дневник, исторический роман, Свиньин, Карамзин, сюжет, мотив, образ

П. П. Свиньин (1787–1839) – русский писатель, государственный служащий по линии Коллегии иностранных дел, в силу своей должности и по своим природным наклонностям, зарекомендовал себя как неутомимый собиратель впечатлений, наблюдатель за нравами и обычаями разных народов. Путешествуя по Америке с осени 1811 по июнь 1813 г. в качестве секретаря генерального консула, он делал дневниковые записи, в которых старался собрать и отразить то, что было интересно ему самому и что могло принести пользу делу установления добрых взаимных отношений страны, посланцем которой он был, и так называемого

¹ Лазареску Ольга Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Московский педагогический государственный университет, г. Москва

Нового Света, который ещё только предстояло открыть по-настоящему, то есть его культуру, общественные заведения и т. д. Однако подённые записи Свинына имели значение не только утилитарное – зафиксировать увиденное, создать основу для служебной отчётности, будущих статей по истории, экономике и т. д. страны пребывания. Американские записи удивительным образом «прорастают», а точнее, «всплывают», ибо водная стихия долгое время окутывала его жизнь и формировала восприятие мира, в его исторических романах, написанных спустя двадцатилетие после самого путешествия в Америку.

Начало дневника фиксирует момент отплытия из Петербурга сначала в Кронштадт, затем через Балтийское и Северное моря и Атлантический океан в Мексиканский залив. Записи географического и бытового свойства у Свинына перемежаются информацией, связанной с внутренними ощущениями, настроением, эмоциями человека, которые активируются природными стихиями, прежде всего, водой и ветром. В день начала путешествия – 24 августа 1811 г. – «благополучный» ветер Петербурга уже в Кронштадте переменялся на «противный», который то стихал, то усиливался, но именно «противный» ветер создаёт ощущение особой отмеченности предпринятого путешествия, а в сочетании с водой и сильной качкой заставляет воспринимать его как миссию, исполненную опасностей и непредсказуемости: «Ветер был сильный, несмотря, что мы легли в дрейф, течением сильно несло нас в море. <...> В море ожидала нас сильная качка, вероятно, от беспрестанных жестоких ветров, продолжающихся уже около месяца. <...> Целый день – противный ветер <...> Из 40 мильонов, населяющих Россию, жребий пал на четырех ехать в Америку!» [5, 51–53]. Смежными по отношению к этим стихиям оказываются небо, звезды, птицы, даже комета, которая в эти дни – начала сентября – была видна невооружённым глазом и вызывала мысли о «неисповедимых деяниях всевышнего» [5, 52]. И, конечно же, корабль, в котором путешественник видит не просто «самое полезнейшее, самое величайшее изобретение ума человеческого», но живое существо, мистическим образом связанное с человеком и природой: «...струи и пена, кои производит корабль, разрезывая воду – имеют вид огненный и весьма страшно смотреть на брызги, падающие в виде огненнова дождя на палубу. <...> Особливо след от руля казался извивающимся огненным змеем, преследующим корабль» [5, 53].

Обострённое внимание к реалиям, которые сопровождают длительное и опасное предприятие – дальнейшее путешествие по воде и не только – впоследствии сыграло свою роль в создании Свиныным его исторических романов, в первую очередь романа «Ермак,

или *Покорение Сибири*» (1834 г.). Во Введении к роману Свиньин прямо говорит, что в своём взгляде на историю, в том числе историю присоединения Сибири к России, он ориентируется на Н. М. Карамзина, который в VI главе IX тома *«Истории государства Российского»* (1821 г.) отмечал сопоставимость по исторической значимости завоевания Сибири и завоевания Мексики и Перу, а главного атамана сибирской дружины Ермака Тимофеевича называл «российским Пизарро» [1, 378]. Это исходное положение – связь двух событий по значимости для мировой истории, дальности путешествия, его опасности, «грозности» для «диких народов» – очевидно, могло активировать давние воспоминания о путешествии писателя в Америку, которое ассоциировалось с природными стихиями и предметами, способными сыграть решающую роль в самом историческом событии.

Для Свиньиного завоевание Сибири является «великим событием, удивившим Европу не менее завоевания Америки», оно «еще удивительнее, еще чудеснее завоевания Америки Пиззаром и Кортесом» [6, 269–270]. И, предполагая во Введении, что из-за скудости источников великий историограф посвятил ему всего несколько страниц и «не дал свободы неподражаемому перу своему», Свиньин надеется, что подход романиста, а не историографа – «представить в живой картине покорение Сибири» – откроет ему возможность отдать должное этому великому событию.

И если непосредственные впечатления трудного и опасного путешествия в Америку создавали основу для передачи картин действительности, личных наблюдений над действительностью – воспоминаний, размышлений, раздумий, философских выводов, которых немало в дневниках, т. е. основу для публицистического взгляда, то применённые к совершенно иным задачам – «извлечь из мрака великие характеры», – они создавали основу для художественного взгляда, столь «привлекательного для читателя» [6, 270].

Уже само начало путешествия, отмеченное непредсказуемостью погоды и опасностью водной стихии, в романе выполняет сюжетообразующую функцию, заставляя Ермакову дружину то без отдыха продвигаться по холодным и порожистым сибирским рекам, то делать длительные остановки, результатом которых становилось появление в диких местах хорошо укрепленных крепостей, сыгравших свою роль в достижении поставленной цели. «Свыше сил человеческих было бороться со студеной водой, стоя в ней несколько часов по пояс. Много оказалось больных, особенно между немцами; послышался всеобщий ропот. <...> Скоро пронесся слух, что Ермак намерен провести здесь зиму, дабы в продолжение сего времени разведать самому легчайший путь за хребет Урала» [6, 387]. В романе все судьбоносные события маркируются

погодными и природными знаками – как обнадеживающими, так и тревожными. Ещё до начала похода, в ночь перед совещанием казаков на круге для принятия окончательного решения «свиристельная ужасная буря», которая после полуночи «совершенно переменялась, настало прекраснейшее утро и при самом восхождении солнца курган, назначенный для собрания круга, покрылся казаками. Скоро показался и Ермак... Никогда лицо Ермака не было светлее и веселее» [6, 341–342]. Инкрустирует этот эпизод окончательного решения идти на Кучума и отвоевывать Сибирь для России брошенный к ногам Ермака орёл как символ будущей победы. Но незамеченной для круга и для самого Ермака стала стрела, пущенная в орла, парившего над курганом. Орел усиливает функцию предзнаменования величия и трагичности миссии Ермака в Сибири.

Этой функции лишена картина переменчивости погоды и поведения птиц в Американском дневнике Свиньина. Здесь погодные катаклизмы представляют зарисовку действительности, хотя и не лишённую воображения, фантазии: «Нам совершенно слышалось стенание природы, наводящее какой-то ужас на человека. Кажется, из его поднимался гнев ея, что презрел, превел все преграды ея, кажется, хочет в последний раз утешить она дерзновеннаго.

Возможно, шум сей происходит с морских волн, кои разбиваются о утесы.

В полночь задул нам благополучный ветерок, и мы снялись с якоря» [5, 63].

А поведение птиц над морем передаётся в дневнике как картина для наслаждения путешественника – птицы играют и ведут «междоусобные войны»: «...киты, огромные цари моря, с шумом ходили вокруг корабля нашего... и забавляли нас своими фонтанами <...> Над ними плавали по воздуху стаи морских птиц» [5, 59].

В финале романа именно водная стихия принимает героя и становится символом его вечной славы: «Тесным неприятелем, покрытый ранами, Ермак долго еще удерживался на краю крепкого утеса <...> гранит поколебался под пятою героя и низвергся с ним в пучину бурной реки; тяжелая броня и истощенные силы погрузили его на дно глубокого Иртыша» [6, 500].

Различны по своей функциональности и две кометы. Комета, которую видел путешественник на корабле в Америку, стала поводом для размышлений о тайнах мироздания и пользы для научного знания: «Небо усыпано планетами! На востоке очень видна новая Комета с весьма большим блеском! Сколько, я думаю, голов занимается, не спит ночи и дни, чтоб отгадать откуда она взяла свое течение, чтобы определить ей путь, ее величину, расстояние? Сколько,

наверное, будет о ней ученых прений и споров! Но кто может постичь неисповедимые деяния всевышнего?» [5, 52]. В романе комета появляется в тяжёлое для России время, после оставления Ливонии и подписания Грозным позорного мира с Баторием, становясь как бы предвестием последующих бедствий: «Москва с трепетом, подобно робкой деве, ожидающей удара <...> ждала новой грозы, новых кровопролитий. <...> Комета, носившаяся днем и ночью над Москвою, была, по всеобщему понятию, знамением величайших бедствий» [6, 458]. Тем контрастнее воспринимаются последующие известия, которые принесли посланники Ермака о присоединении Сибири к России «во имя Христа и великого государя – на веки веков» [6, 464].

В романе описания Сибирской земли как своеобразного «Эдема» – источника, хотя пока и неосвоенного, всевозможных благ – переключаются, а часто и прямо соотносятся с описанием американских «выгод» для человека: «...что привлекает людей в отдаленную Америку? Не выгоды ли житейские? Что заставляет их переплывать бурные океаны, оставлять родину? Как недовольство жизненных потребностей! Стало быть, нужна только добрая воля – и пустынная Башкирия сделается в несколько лет населеннейшею областью царства Русского...» [6, 322]. А уральские владения Строгановых, благословивших дружину Ермака на сибирский поход, приравнены своим пространством к «Франции, совокупно с Испанией!» [6, 348].

Однако этот публицистический пассаж в начале романа лишь оттеняет некорыстную, не преследующую личных «выгод» сущность предпринятого похода казаков. Заманчивые предложения местных князей избавить казаков от преследований Московского царя за их былую разбойничью вольницу взамен на принятие магометанской веры и признание власти царя Сибирского Кучума разбиваются о крепость веры и духа казаков и их атамана: «Дервиш, – сказал Ермак с важностью, – прощаю тебе слова твои и помышления: ты исполняешь обет свой и долг; но ты не знаешь казаков, не знаешь, что ничто на свете не в состоянии поколебать казака в его вере: он не изменит Христу Спасителю ни в счастье, ни в несчастье, не отречется от него ни ради всех благ мира, ни ради мук ада!» [6, 327–328]. А опалу царя Грозного казаки снимают с себя «славными делами» [6, 363], принесшими Сибирь России.

Сама подготовка к сибирскому походу по своей интенсивности получает в романе сравнение с тем, что обычно происходит на верфях Нью-Йорка: «Какая деятельность, какая жизнь кипела на берегах Камы! Этому подобное можно разве видеть на верфях Нью-Йоркских, где целые флоты спускаются почти ежедневно на быстрые струи

Гудсоновой реки <...> где тысячи рук заняты строением морских палат и крепостей!» [6, 370]. Очевидно, воспоминания о посещении Нью-Йорка, зафиксированные в Дневнике, пригодились Свиныну-романисту для воссоздания атмосферы предпринимаемого большого дела, определяющего судьбы многих людей. Когда-то, стоя на берегу Гудзона, он видел «корабли, приходящие и отходящие, устье, усеянное маленькими рыбацкими лодками, две грозные батареи по концам города <...> высокие башни и шпицы, выстовляющиеся из громады домов» [5, 108]. Снаряжение сибирской дружины по градусу «кипения» жизни даже превосходило объект сравнения, потому что касалось конкретных людей, героев романа Свинына. «Луговая низменность <...> покрыта была длинными ладьями с острыми носами как у стерлядей <...> Люди, как муравьи, кипели над ними. Одни стучали топорами; другие, привязывая канаты к верхушкам мачт, распевали веселые песни; третьи возили смолу, четвертые устанавливали семипядные пищали и легкие самопалы. Телеги скрипели под тяжестью мешков и кадок с мукой, крупой и маслом» [6, 370].

В Дневнике корабль хотя и несёт на себе знаки особой связи с внешним миром, похож на живое существо, преследуемое водной стихией, однако он всё равно остаётся только средством передвижения на другой материк. В романе корабль предстаёт как эквивалент человека, начиная от его рождения под руками казаков, проходя через все испытания – «бедствия от мелководья и ненастья» [6, 381] и оставаясь последним прибежищем для спасения дружины. Так, именно в лодке Ермак мог бы найти спасение в своём последнем бою: «Может быть, он надеялся еще дойти до берега и спастись в лодке, полагаясь на тьму ночную; но увы! удел его уже был решен Свыше!» [6, 500]. Свою роль в спасении казаков в боях сыграли и своеобразные двойники лодок и людей – плоты с чучелами, которые отвлекали внимание татар от Ермаковой дружины, появлявшейся внезапно в тылу неприятеля и обращавшей его в бегство.

Биографы и историки литературы отмечают, что романы П. П. Свинына не пользовались при жизни писателя большой популярностью [4, 374], что его дневники, письма и воспоминания о путешествиях в разные страны грешат большой долей вымысла. Да так, что это даже стало предметом насмешек А. С. Пушкина [3, 489–490]. Однако само время – прошедшие после выхода романов почти двести лет – позволяет оценить этого автора как образец упорного трудяги, пытавшегося понять и воплотить в своих романах законы художественного слова, передающего живые картины действительности, а не умозрительные наблюдения, которые, впрочем, имели для Свинына свою ценность. Так или иначе, и Американский дневник, и романы Свинына, и воспоминания

современников [2, 271] оставляют впечатления о нём как о человеке неординарном, способном собирать вокруг себя людей, увлечённых историей своей страны и очень отдалённых земель.

Литература

1. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – СПб.: В типографии вдовы Плюшар с сыном, 1834. – Т. IX. – 406 с.

2. Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века / Ред., вступ. ст. и прим. Н. Л. Бродского. – М., Л.: АКАДЕМИА, МСМXXX. – 592 с.

3. Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827 / Под общ. ред. В. Э. Вацууро, С. А. Фомичёва. – СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр, 1996. – 527 с.

4. Русский биографический словарь: В 20 т. – Т. 13. – М.: Терра-Книжный клуб, 2001. – 480 с.

5. Свиньин, П. П. Американские дневники и письма (1811–1813) / П. П. Свиньин. – М.: Издательский дом «Парад», 2005. – 559 с.

6. Свиньин, П. П. Ермак, или Покорение Сибири. Шемякин суд, или Последнее междоусобие удельных князей русских. Ермак, или Покорение Сибири. Исторические романы / П. П. Свиньин. – М.: Фирма «Кронос», 1994. – 512 с.

THE ARTISTIC AND THE PUBLICISTIC IN THE AMERICAN DIARY OF P. P. SVIN'IN

O. G. Lazaresku

Abstract

The diary of impressions written by a public servant and a writer of the early 19th century P.P. Svinin during his travel to the United States of America is of a particular interest in terms of the way a direct word, which only registers the reality and fixes primary emotional responses of a human to what he has just seen, is transformed into a word of art, which comprises a wide spectrum of potential meanings that allow to come to universal values of events and phenomena of the reality. The article shows how first impressions of a young observer «sprouted» with time into plots, motifs and images of Svinin's historical novels, and taught him to work with «raw» historical material and to discern the essence of phenomena in random details.

Keywords: diary, historical novel, Svinin, Karamzin, plot, motif, image

Поступила в редакцию 30.05.2018